

Философские и культурологические исследования

DOI 10.5862/JHSS.215.16
УДК 165.4

Г.В. Хомелев

ФИЛОСОФСКАЯ ТЕОРИЯ КРИТИКИ: КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ

ХОМЕЛЕВ Геннадий Владимирович — доктор философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Россия, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21
e-mail: homelev@yandex.ru

В статье рассмотрены категории модальности как понятия философской теории критики. Основное внимание уделено выяснению и философскому обоснованию содержания таких категорий критики, как «ценность», «ценностное отношение», «оценка», «оценочное суждение», «сущее» и «должное», «реальность» и «идеал», научный характер которых определяется прежде всего их отношением к объективной истине. Автор исходит из того, что общим признаком всех модальных отношений в критике и выражающих их категорий является подведение рассматриваемого предмета под определенное понятие (ценность, ценностное представление, идею), соответствующее ему в большей или меньшей мере. В этом смысле модальное отношение — это сравнение данного отдельного, единичного с его истинной всеобщностью — субстанциальностью, в отношении которой оно может рассматриваться как соответствующее ей всецело или в определенной степени.

ТЕОРИЯ КРИТИКИ; КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ; ЦЕННОСТЬ; ОЦЕНОЧНОЕ СУЖДЕНИЕ; СУЩЕЕ; ДОЛЖНОЕ; ИСТИНА.

Анализ категорий модальности применительно к целям и задачам критики представляет известную проблему, поскольку должен опираться на соответствующую *логическую* теорию, но ее разработка еще не завершена. Поэтому философское обоснование содержания категорий модальности является актуальной научной задачей, успешное решение которой поднимет уровень логического осмысления всей системы философских понятий, имеющих отношение к построению общей теории критики.

Предпосылаемая точка зрения достаточно определена: общим признаком всех *модальных отношений* в критике и выражающих их *категорий* является *подведение* предмета критики *под определенное понятие* (ценность, ценностное представление, идею), соответствующее ему

в большей или меньшей мере. В этом смысле модальное отношение — это *сравнение* данного *отдельного, единичного* с его истинной *всеобщностью* — *субстанциальностью*, в отношении которой оно может рассматриваться как соответствующее ей всецело или лишь в определенной степени. Категории модальности ведут нас в широкое пространство гуманитарного знания, прежде всего в теорию ценностей, в этику и эстетику. Но это как раз те границы, в пределы сфер которых мы далеко входить не намерены.

Вместе с тем рассмотрение данных *категорий* как средств критики дает еще один важный аргумент против получившей заметное распространение точки зрения, согласно которой основание научного подхода в критике составляет то или иное *положительное* воззрение, *позитив-*

ная концепция¹. Оспаривание данной точки зрения будет состоять в обосновании того, что само *подведение* критикуемого под некое понятие в науке или теорию, равно и дальнейшее рассмотрение под этим углом зрения, сопоставление и сравнение его с данным понятием или системой понятий конкретной теории — суть *модальное* отношение. В свою очередь, модальное отношение и раскрывающие его категории есть только *часть* целого, т. е. один из разделов теории критики. Часть же целого не есть всё целое, не может исчерпать и заменить его собой.

Рассмотрение категорий модальности мы начнем с понятий ценности и ценностного отношения.

Ценность и ценностное отношение

Первой категорией модальности, имеющей прямое отношение к критике, является понятие ценности. Специфику критики иногда усматривают в том, что она есть *оценочное* отношение или *ценностное* отношение субъекта к объекту. И это действительно так. Но что такое оценивание как гносеологическая процедура и необходимый элемент критического исследования? На это, к сожалению, мало обращают внимание. Между тем как, на наш взгляд, именно с этой точки зрения можно ближе всего подойти к выявлению особенностей критики как особой формы познания.

Ценностное отношение как *необходимый* момент критического исследования представляет собой особую *ступень* развития *гносеологического отношения* субъекта критики к своему объекту. Вместе с тем определяющей стороной ценностного отношения является не только его *неразрывная* связь с познанием², но и с *личностным* или *социально значимым* содержанием потребностей, интересов, мотивов и целей че-

ловеческой деятельности в чем бы она ни выражалась. Иначе говоря, ценностное отношение *ориентировано* на определенные *ценности*, которые и придают этому отношению свойственную ему специфику.

В современном понимании ценность всегда есть то, что объективно находится в определенной *связи* с потребностями и интересами людей. Это могут быть *вещи, отношения* или *свойства* вещей, явлений, процессов. Однако ценность выражает *не любую* связь предмета и человека, а только *положительную*³. Другими словами, *ценность* — это всегда *связь предмета с тем, что нам необходимо*, в чем мы можем испытывать потребность. Однако не всегда то, в чем человек испытывает потребность, имеет для него *объективное* значение ценности⁴. В этом смысле говорят, что ценности — это то, без чего невозможна *нормальная, здоровая* человеческая жизнь. Это значит, что не всё, в чем мы можем испытывать потребность, а только то, что является *благом*, т. е. *объективно положительным*, имеет значение ценности⁵.

Трудность определения понятия ценности состоит в том, что благо имеет объективное значение положительного не само по себе, а лишь в своем определенном *отношении к человеку* и в присущей этому отношению *мере*⁶. Иначе говоря, ценность предполагает *оценивающего* и вне отношения к нему не существует как ценность. В обществе людей все ценности жизни скроены по мерке человека. В мире ценностей действительно: «человек — мера всех вещей». Однако следует различать ценности *действительные* и *мнимые* (когда, например, человек оценивает нечто объективно отрицательное как положительное).

¹ «В самом основании критики должно лежать некоторое положительное руководящее воззрение» [10, с. 127]. «...Собственная теория должна быть предпослана критике, так как и при историческом способе критические аргументы черпаются из собственной теории, а в собственно критической части предвосхищаются только выводы теории» [Там же. С. 131].

² «Невозможно познание вне и без оценки, но нельзя и оценивать, не познавая» [1, с. 39]. Можно добавить, что именно поэтому нельзя истину разлучать с ценностью, ценность — с познанием, а ценность истины — с самой истиной.

³ «Ценностная эмоция всегда положительна... Ценностей со знаком минус не бывает... В теории ценностей все величины имеют знак плюс...» [2, с. 43].

⁴ Например, курение, употребление наркотиков и т. п.

⁵ Так, вода, воздух, наслаждение, здоровье, труд — всё это различные ценности, поскольку они обнаруживают *положительную* связь вещей, явлений или их свойств с тем, что нужно человеку. Сама жизнь есть высшая ценность.

⁶ Вещь, которой мы пользуемся, вода, которую мы пьем, воздух, которым мы дышим, *сами по себе* не могут иметь значения ценностей.

Связь ценностей с потребностями наиболее демонстративна. Сами человеческие потребности имеют два источника:

1) *естественные*, т. е. нечто данное от природы, — потребность в воздухе, еде, питье и т. п.;

2) *культурно-исторические*, удовлетворение которых предполагает существование определенных вещей, отношений или средств, созданных в ходе исторического развития человечества (например, потребность в познании истины, потребность в красоте, в служении долгу, справедливости, общему благу и т. п.).

Поэтому ценности можно классифицировать по *характеру* тех *потребностей*, с которыми они находятся в связи или тех вещей, которые служат удовлетворению этих потребностей. Так, например, различают *материальные* и *духовные* ценности. Причем значением ценности обладают не только вещи и их свойства, но и отношения между людьми: отношения дружбы, взаимопомощи, сотрудничества, любви и т. д.

Вместе с тем, поскольку интерес выражает определенное субъективное отношение, в ценности фиксируется *положительная значимость* явлений и предметов *с точки зрения осознания* людьми *источника* тех потребностей, которые лежат в их основе. Этот источник может быть *индивидуальным* или *общественным*. Соответственно ценности могут быть *индивидуально значимыми* и *общественно значимыми*, *личными* и *общественными*. На основе общезначимых ценностей формируются социальные нормы и идеалы.

Оценивание и оценка. Оценочные суждения

Поскольку *оценивание* — операция, имеющая отношение к подведению итогов критического исследования, постольку различные модальности и оттенки этих модальностей в критике создают свою сферу приложения, которая выходит далеко за пределы собственно философской теории критики. Оценивание является гносеологической процедурой. Его непосредственным аналогом выступает *сравнение*, которое, как известно, всегда предполагает определенный критерий или масштаб, применяемый к объектам сравнения. С точки зрения самой основы сравниваемых явлений, предметов, процессов различают следующие его формы: а) сравнение этого отдельного с другим отдельным или то, что Г.В.Ф. Гегель называл

рефлексией; б) сравнение данного отдельного или единичного с его всеобщим; в) сравнение предмета со своей *истинной* всеобщностью или своим *истинным* ее претворением (в науке, морали, искусстве). Только последнее имеет непосредственное отношение к оцениванию как определенной теоретико-познавательной процедуре в критике, а следовательно, может рассматриваться и как форма критики, поскольку *судить* о каком-либо предмете — значит, *оценивать* его, «значит, *сравнить* его природу — его истинную всеобщность с его единичностью, с характером его наличного бытия; сравнить то, что он есть, с тем, чем он *должен* быть» (курсив наш. — Г. Х.) [5, с. 194].

Таким образом, ясно, что если не выходить за пределы чисто гносеологического отношения, то критерием или масштабом сравниваемых предметов, явлений, процессов может быть только *понятие*. И именно тогда, когда само понятие применяется к различным предметам, явлениям, процессам, познающий способен различать в них необходимое или случайное, возможное или действительное, хорошее или плохое, прекрасное или безобразное, доброе или злое, справедливое или несправедливое. Именно через такое сравнение, различение и *подведение под всеобщее* мы, по существу, уже оцениваем их.

Оценка является *результатом* этого сравнения. Она может быть различной на разных этапах критического исследования. Так, например, на ступени усвоения она является синтезом понимания предмета как целого и его интерпретации. На ступени критического анализа оценка, скорее всего, представляет собой результат сопоставления и сравнения разбираемых критиком утверждений, положений и возражений, опосредованный взвешиванием и проверкой степени их обоснованности и т. д. В критике дать *оценку* — значит, *кратко резюмировать результаты* критического исследования, достигаемые на всех ее ступенях.

Оценка предполагает понимающего и оценивающего, а также наличие специфических *оценочных категорий*, таких, например, как «благо», «прекрасное» и «безобразное», «добро» и «зло», «долг», «справедливое» и «несправедливое», «возвышенное» и «низменное» и т. д. *Критерии* оценки определяются исторически конкретным содержанием тех оценочных пред-

ставлений и понятий, которыми оперирует субъект, но основания оценивания находятся все же в самом предмете.

«Познание... есть суждение» [13, с. 216]. Вынесенное суждение заключает в себе некоторое идеальное содержание, соотносимое с реальным предметом (проблема истинности знания). Однако эта релятивность суждения, как оказывается, носит *двойной* характер. Суждение есть также *суд над* неким *что-, как- и почему-*бытием предмета, вещи, явления, человека, его поступка и т. д. и т. п. — *оценивание* их путем сравнения со своей субстанциальной всеобщностью. Именно здесь всякий раз возникает проблема *значимости* для самого познающего познаваемого им предмета, вместе с определением его места в человеческой культуре, т. е. в нашем для-себя-бытии.

Следовательно, суждение есть также и *оценка* бытия, хотя вовсе не всегда эта оценка выражается в суждениях особого рода — в *оценочных суждениях*. Например, *случайна* ли та или иная точка зрения, теоретическая позиция или *необходима*, является ли она выражением *истины* и в *каком* объеме, соответствует ли содержание той или иной идеи, концепции понятию *добра* и *справедливости*, соответствует ли что-либо критериям *красоты*, возвышенно нечто или низменно и т. д. и т. п.? Поскольку все суждения выражают «*определенность* понятия, *положенную в понятие*» [3, с. 60], постольку связь любого оценочного суждения с некоторым понятием как со своей *истинной всеобщностью* носит *необходимый* характер. Нет понятия — не может быть и оценочного суждения. Оценочное суждение есть реальность действительного содержания *что-, как- и почему-*бытия предмета, установленного в соответствующих понятиях, а отношения между понятиями и внутри понятий есть рассуждение.

Таким образом, специфика оценочных суждений заключается в том, что они выражают различные модальности отношения оценивающего (субъекта критики) к оцениваемому (объект критики). В логике еще со времен Гегеля такие суждения известны как суждения *модальности*. Эти суждения выражают специфическую форму *отношения* между субъектом и предикатом. Гегель называет их «суждениями понятия» ввиду того, что уже здесь имеет место не непосредственное отношение понятия к по-

нятию, а «*отношение предмета к понятию*» или, может быть, точнее, понятия и связанных с ним понятий — к самому предмету. «В этом суждении, — разъясняет Гегель, — понятие положено в основание, и так как оно находится в отношении к предмету, то оно [положено в основание] как *долженствование*, которому реальность может соответствовать или не соответствовать. Поэтому лишь такое суждение содержит истинную оценку: предикаты „хороший“, „дурной“, „истинный“, „прекрасный“, „правильный“ и т. д. выражают собой то, что к сути дела прилагается *мерило* ее всеобщего *понятия* как всецело предположенного *долженствования* и что она ему *соответствует* или не соответствует»⁷ [Там же. С. 99]. Например, «дом — хороший», «метод — правильный, истинный», «человек — прекрасный» и т. д.

А. Эйнштейн так описывает следующую ситуацию, связанную с разрешением парадокса, с которым ему пришлось столкнуться: «Если бы я стал двигаться вслед за лучом света со скоростью *C* (скорость света в пустоте), то я *должен был бы* воспринимать такой луч света как покоящееся, переменное электромагнитное излучение...» [14, с. 277–278]. Откуда берется это «должен был бы», на чем основано суждение модальности? Ответ таков: на некотором всеобщем — либо на открытом ранее законе данного явления, которому нечто подчиняется, либо на понятии, которому нечто соответствует, либо на всеобщем или достаточно распространенном предрассудке, т. е. мнении людей, весьма далеких от науки.

Интересным в этой связи представляется мнение Вл. Соловьева. Он полагает, что из «всех земных существ один человек может *относиться к себе самому критически*», причем «не в смысле простого недовольства тем или другим своим положением или действием (это возможно и для прочих животных), а также и

⁷ Логика, которая бы имела дело с суждениями подобного рода, называют *деонтической* или *логикой норм*, а знание, которое здесь выводимо, называют нормативным знанием. Предполагается, что силлогизмы этой логики отличаются от классических силлогизмов, «содержащих суждения о фактах». В современной символической логике в качестве основных форм модальности обычно рассматриваются функции *необходимости* и *возможности* [См.: 6, 7, 15–18].

не в смысле смутного, неопределенного чувства тоски, свойственной всей „стенающей твари”, а в смысле сознательной *отрицательной* оценки самого способа своего бытия и основных путей своей жизни, как не соответствующих тому, что *должно бы быть*» (курсив наш. — Г. Х.) [12, с. 629].

Понятия сущего и должного, реальности и идеала как категории критики

Вне связи с познанием невозможно мыслить отношение сущего и должного, реальности и идеала. Гегелевская философия показала это со всей определенностью. Знаменитое положение «все действительное — разумно, а все разумное — действительно» не только выражает диалектический характер взаимосвязи категорий «действительное» и «разумное», но и (в их же сфере) устанавливает определенное отношение таких понятий теории критики, как «сущее» и «должное». Поскольку отношение действительного и разумного понимается Гегелем как опосредованное процессом *мышления и познания*, то категории «сущее» и «должное», «реальность» и «идеал» не могут и не должны рассматриваться самостоятельно и изолированно от процесса познания⁸. В этом Гегель был глубоко прав. Должное и идеал лишь определенные *формы бытия истины*, раскрываемой в таких специфических сферах, как мораль и искусство⁹, посредством оценочных и модальных категорий¹⁰.

Что бы ни говорили сегодня о формализме долга в этике И. Канта, все же следует признать, что именно «Критика практического разума» впервые установила правильное понимание категорий морали как *долженствования*, т. е. как таких, в которых выражается или устанавливается определенное ценностное отношение к действительности. Правда, современ-

ная философия уже не может довольствоваться простой констатацией связи сфер морали и искусства с определенными ценностями. Первой формой движения в неправильном направлении в истории критики была попытка под видом объективности разлучить истину и интерес. Результатом такой попытки был объективизм. Но объективизм и объективность — это не одно и то же. Второй формой того же рода является сегодня попытка разлучить истину и ценность с той лишь разницей, что место интереса здесь занимает ценность. Характерно, что саму ценность понимают как некое *верование*. Поэтому полагают, что ценность, как и все значимое, принципиально отлична от истины, поскольку она ни в какой проверке ее соответствия действительности не нуждается. Отсюда ценность, в отличие от истины, «нельзя опровергнуть, ее можно только отвергнуть» [8, с. 80]. Дальнейший вывод напрашивается сам собой: всякая критика, прибегающая к ценностям (например, художественная критика) в качестве критерия, не является научной, так как находится *вне* сферы познания.

С подобной точкой зрения нельзя согласиться. После Канта и Гегеля совершенно ясно, что и ценность, и ценностное отношение, и все связанные с ними категории модальности должны быть раскрыты в *единстве* с определенным познавательным отношением¹¹. Имея это в виду, Вл. Соловьев писал: «Хотя определение истины относится непосредственно к сфере знания, но никак не к ее исключительности (которая уже есть не истина), это определение должно принадлежать знанию, лишь поскольку оно согласуется с другими сферами духовного бытия, иными словами: истинным в настоящем смысле этого слова, т. е. самою истиной, может быть только то, что вместе с тем есть благо и красота» [12, с. 191]. Следовательно, долг и должное необходимо рассматривать как *формы*

⁸ Согласно Гегелю, спецификой формы искусства является то, что оно «ставит перед сознанием истину в виде чувственного оформления» [4, с. 105].

⁹ «...Для того чтобы знать, какие поступки справедливы, добры, а какие несправедливы, злы, нужно уже *заранее* иметь понятие о справедливом и добром» [См.: 5, с. 13].

¹⁰ По-видимому, существует некоторое различие оценочных и собственно модальных (или модально-оценочных) категорий.

¹¹ Именно поэтому, на наш взгляд, точка зрения М.С. Кагана не имеет перспективы: у него понятия «истина» и «ценность» фиксируют «*два разных типа отношения*», а «истина как таковая аксиологически нейтральна» [См.: 8, с. 69, 70]. Здесь можно согласиться с Г.П. Выжлецовым: «...Представляемая в литературе связь познания только с истиной, а оценки — только с ценностью явно упрощает суть дела» [1, с. 39].

бытия истины в морали, ее выражение и практическое претворение. Тогда истиной в сфере нравственных отношений будет также и *искание* добра, и *само добро*, *сама справедливость* и *нравственность* [См., например: 11, с. 447].

В истории философии мы видим движение именно к этому результату. Так, например, понятие прекрасного как идеала в эстетике Канта связано с *суждением вкуса*, которое, по существу, является *оценочным модальным суждением*. «Высший образец, первообраз вкуса, — писал он, — есть лишь идея, которую каждый должен создать в себе самом и, исходя из которой, ему надлежит судить обо всем, что есть объект вкуса...» Вкус же обнаруживается у человека «постольку, поскольку он способен судить об этом образце» [9, с. 101]. «Идея означает... понятие разума», а прекрасное, выражающее идеал, есть «представление (чувственный образ. — Г. Х.) о единичном существе как адекватном идее» [Там же]. Таким образом, модальность эстетического суждения Кант объясняет тем, что необходимость во всех суждениях вкуса мыслится здесь как *необходимость образца*, т. е. определенной идеи [Там же. С. 106].

В эстетике Гегеля эстетическое и познавательное отношения рассматриваются в их единстве: отношение прекрасного и истинного неразрывно связаны. Поэтому для Гегеля «*красота и истина суть одно и то же*», ибо прекрасное, чтобы быть прекрасным, должно содержать истину в себе в качестве идеи, а следовательно, и идеала любого произведения искусства. «*Истинна именно идея*», а потому она не только истинна, но и в себе прекрасна. Отсюда понятно следующее лаконичное определение прекрасного: прекрасное есть «чувственное *явление*, чувственная видимость идеи» [Там же. С. 114, 115].

На наш взгляд, с гносеологической точки зрения идеал выражает определенное *понимание высших потребностей и ценностей* жизни, а также *знание пути*, ведущего в направлении их реализации. Подведение реальности под идеал, сопоставление и оценка реального с точки зрения идеала превращает само сопоставление в *сравнение*, где критерием выступает идеал. Оценивание их несоответствия превращается в *критику* реальности, т. е. сущего, расходящегося с тем, что *должно быть* согласно истине.

Задача критики на этой ее ступени заключается в познании *негативного* в критикуемом предмете, т. е. в воспроизведении (отображении) того, как некое *конкретно-всеобщее* (предмет, действительность, мысле-форма) через свое же собственное определение (утверждение, целеполагание, мотивацию, действие, поступок и т. п.) различает себя от самого себя и в качестве данного единичного приходит к отрицанию самого себя или иницирует и подготавливает его. Негативное выступает здесь как *противоречие* — несоответствие истинного, конкретно-всеобщего (например, понятия, долженствования, идеала и т. п.) и данного единичного его выражения или претворения¹².

¹²Так, согласно Гегелю, воля различает себя от самой себя, когда она, например, *хочет* природного, ибо в этом своем хотении она полагает себя как нечто *зависимое* от природного. Зависимость от природного, как и вообще от всего *конечного*, есть отрицание воли в данном ее конкретном отношении, поскольку *в себе*, т. е. в своем понятии, воля как таковая (всеобщее) свободна. Таким образом, негативное выступает здесь как противоречие (несоответствие) истинного и всеобщего в понятии воли и ее проявления в данном конкретном случае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Выжлецов Г.П.** Аксиология культуры. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 1996. 152 с.
2. **Гулыга А.В.** Принципы эстетики. М.: Политиздат, 1987. 285 с.
3. **Гегель Г.В.Ф.** Наука логики. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1972. 371 с.
4. **Гегель Г.В.Ф.** Лекции по эстетике. Кн. 1 // Соч. В 14 т. Т. XII. М.: ГСЭИ, 1938. 471 с.
5. **Гегель Г.В.Ф.** Работы разных лет. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973. 630 с.
6. **Ивин А.А.** Модальные теории Яна Лукасевича. М.: Изд-во ИФ РАН, 2001. 176 с.
7. **Ивин А.А.** Современная логика. М.: Век, 2009. 384 с.
8. **Каган М.С.** Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.

9. **Кант И.** Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
10. **Мареев С.Н.** Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса. М.: Мысль, 1984. 157 с.
11. **Соловьев Вл.** Оправдание добра. Нравственная философия // Соч. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. 892 с.
12. **Соловьев Вл.** Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 822 с.
13. **Хайдеггер М.** Бытие и время. М.: Академ. проект, 2011. 460 с.
14. **Эйнштейн А.** Сборник научных трудов. В 4 т. Т. 4. М.: Наука, 1967. 600 с.
15. **Шкатов Д.П.** Модальная логика и модальные фрагменты классической логики. М.: Изд-во ИФ РАН, 2008. 140 с.
16. **Garson J.** Modal Logic for Philosophers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
17. **Blackburn P., de Rijke M., Venema Y.** Modal Logic. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
18. **Chagrov A., Zakharyashev M.** Modal Logic. Oxford: Oxford Univ. Press, 1997.

G.V. Khomelev

THE PHILOSOPHICAL THEORY OF CRITICISM: THE CATEGORIES OF MODALITY

KHOMELEV Gennadiy V. — *St. Petersburg State University of Economics.*

Sadovaya ul., 21, St. Petersburg, 191023, Russia

e-mail: homelev@yandex.ru

This article provides an overview of the categories of modality being a concept of philosophical theory of criticism. The author of this article pays main attention to how to determine and to philosophically ground the meaning of such categories of criticism as the value, the value-based attitude, the valuation, the evaluating judgement, the being and the duty, the reality and the ideal, the scientific nature of which may be determined, first of all, to the extent they relate to the objective truth. The author's point of view proceeds from the idea that the common feature for all the modal relations of criticism and for the categories expressing them is the approximation of the object being studied to match a certain notion, value, value-based perception, idea, which corresponds to them to a greater or lesser degree. In this respect, the modal relationship is the comparison of this given single object with its true universalism — the substantiality, with regard to which it may be considered as the one that corresponds to it to some extent.

THEORY OF CRITICISM; MODAL CONCEPTS; VALUE; EVALUATING JUDGEMENT; BEING; DUTY; TRUTH.

REFERENCES

1. Vyzhletsov G.P. *Aksiologiya kul'tury* [The Axiology of Culture]. St. Petersburg, Publ. house of St. Petersburg State Univ., 1996. 152 p. (In Russ.)
2. Gulyga A.V. *Printsipy estetiki* [The principles of aesthetics]. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 285 p. (In Russ.)
3. Hegel G.W.F. *Nauka logiki* [The Science of logic]. In 3 vol. Of vol. 3. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 371 p. (In Russ.)
4. Hegel G.W.F. [The Works]. In 14 vol. Of vol. XII. Moscow, 1938. 471 p. (In Russ.)
5. Hegel G.W.F. [The Works of different years]. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1973. 630 p. (In Russ.)
6. Ivin A.A. *Modal'nyye teorii Yana Lukasevicha* [The Modal Theories of Yan Lukasevich]. Moscow, IF RAN Publ., 2001. 176 p. (In Russ.)
7. Ivin A.A. *Sovremennaya logika* [The Modern Logics]. Moscow, Vek Publ., 2009. 384 p. (In Russ.)

8. Kagan M.S. *Filosofskaya teoriya tsennostey* [The Philosophical Theory of Values]. Culture]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1997. 205 p. (In Russ.)
9. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [The Critique of Judgment Ability]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994. 367 p. (In Russ.)
10. Mareyev S.N. *Dialektika logicheskogo i istoricheskogo i konkretnyy istorizm K. Marksa* [The Dialectic Logic and Historical and Specific Historicism K. Marx]. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 157 p. (In Russ.)
11. Solovjev Vl. [The Works]. In 2 vol. Of vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 892 p. (In Russ.)
12. Solovjev Vl. [The Works]. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 822 p. (In Russ.)
13. Hydegger M. *Bytiye i vremya* [The Being and The Time]. Moscow, Academic project Publ., 2011. 460 p. (In Russ.)
14. Einstein A. [Collections of Scientific Works]. In 4 vol. Of vol. 4. Moscow, Nauka Publ., 1967. 600 p. (In Russ.)
15. Shkatov D.P. *Modal'naya logika i modal'nyye fragmenty klassicheskoy logiki* [Modal Logics and Modal Fragments of Classical Logic]. Moscow, IF RAN Publ., 2008. 140 p. (In Russ.)
16. Garson J. *Modal Logic for Philosophers*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006.
17. Blackburn P., de Rijke M., Venema Y. *Modal Logic*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002.
18. Chagrov A., Zakharyashev M. *Modal Logic*. Oxford, Oxford University Press, 1997.